

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич

депутат Государственной Думы,
декан факультета государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель правления фонда «Русский Мир»

ЧТО ТАКОЕ ЕВРОПА?

Как называется самый большой город в Европе?

Правильный ответ — Москва (Стамбул больше, но основная его часть расположена в Азии). После этого не сложно ответить на вопрос о том, какая самая большая страна в Европе — и по территории, и по населению? Правильно, Россия. Но когда в Брюсселе, Лондоне или Берлине произносят «Европа», то не имеют в виду и нашу страну в том числе. Европа географическая и политическая — различные реальности. Так что же такое Европа?

Канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк заявлял в XIX веке: «Говорить о «Европе» — ошибка; это всего лишь географическое понятие». Сейчас это гораздо больше.

Под Европой понимают, прежде всего, 27 стран-членов Европейского Союза (ЕС-27). Но кроме них существуют еще несколько развитых стран Западной Европы, которые в ЕС предпочли не вступать. Их принято называть три развитые страны (РС-3) — Норвегия, Швейцария, Исландия. Для целей статистики в эту же группу обычно включают не входящие в ЕС самые малые страны Западной Европы: Андорру, Лихтенштейн и другие. Далее выделяют группу стремящихся к членству в ЕС, но не входящих в нее Балканских государств (Балканы-7): Албанию, Боснию и Герцеговину, Македонию, Сербию, Хорватию, Черногорию, а также не получившее пока официального признания Косово. В число претендующих на членство входят Исландия и, во все меньшей степени, Турция. В следующий круг включают три постсоветских государства — Беларусь, Молдову, Украину — и Россию, которые в число официально или фактически признанных кандидатов на вступление в ЕС не входят, хотя Украина и Молдова неоднократно заявляли о своем желании стать его членами.

Европейский союз, занимая 4 млн. км² плотно обжитой территории при населении 501 миллион человек, производит 28% мирового ВВП, контролирует около четверти мировой торговли и концентрирует 42% прямых иностранных инвестиций мира.

Большая Европа: население и экономика в 2010 году

Страны и группы стран	Население		ВВП (по ППС)	
	Млн чел.	%	млрд долл. США	%
ЕС-27	501	61,4	15150	77
РС-3	13	1,6	614	3,1

Балканы-7	26,1	3,2	309	1,6
Россия	142,9	17,6	2219	11,3
ПСГ-3	58,8	7,2	444	2,2
Турция	72,7	9	957	4,9
Всего	815,5	100	19 693	100

История европейского единства 1945—1989

Сегодня Западная и Центральная Европа — самое интегрированное пространство в мире. Это не всегда было так на континенте, «подарившем» миру обе мировых войны. При этом, идея общеевропейской системы не раз высказывалась в том или ином виде. Даже Владимир Ленин в 1915 году отметил статью «О лозунге «Соединенных Штатов Европы»».

Европейская интеграция неразрывно связана с движением за единую Европу, возникшим после окончания Второй мировой войны с основной целью избежать нового военного конфликта. Среди многих призывов к объединению наибольший резонанс вызвала речь Уинстона Черчилля 19 сентября 1946 года в Цюрихском университете, в которой он призвал европейцев покончить «с национальными распрями», прежде всего с франко-германским антагонизмом, и создать на континенте «нечто вроде Соединенных Штатов Европы». Противоречия между Францией и Германией оставались главными на континенте. Когда Германия разделилась на ФРГ и ГДР, известный французский писатель Франсуа Мориак заметил: «Моя любовь в Германии так велика, что я рад, что их теперь две».

Европе нужны были мир, согласие и достаток. Политическое и идеологическое противостояние двух блоков усиливало центристские движения в каждом из них. Западноевропейские страны тяжело переживали утрату мирового лидерства, потерю колоний, рост международного влияния США и СССР и потому еще больше стремились навстречу друг другу, надеясь обрести силу в единстве. Практический путь к европейской интеграции открыла Декларация министра иностранных дел Франции Шумана, который 9 мая 1950 года обратился к правительству ФРГ с предложением начать новую главу в отношениях, сформировав франко-германское объединение угля и стали. Значение Декларации выходило за рамки двусторонних отношений. Она призывала к созданию «общей основы экономического развития, которая явится первым шагом к Европейской федерации», обеспечивающей мир, экономический рост и улучшение условий жизни европейского населения. В разработке концепции европейского строительства велика роль еще одного видного французского «европеиста», Жана Монне, который утверждал: «Европа никогда не существовала. Европа — не сумма национальных суверенитетов. Европу надо создать». Вместо Европы, раскалываемой национализмом, концепция Монне-Шумана предлагала создать единую миролюбивую Европу на принципах демократии, экономического благосостояния, социального консенсуса, мира и равноправного сотрудничества. Концепцию Монне-Шумана изначально приняли далеко не все западноевропейские государства. Это относилось прежде всего к Великобритании, создавшей в 1960 году совместно с Австрией, Данией, Норвегией, Португалией, Швейцарией и Швецией Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ).

Тем не менее усилиями евроэнтузиастов европейская интеграция продвигалась вперед — от таможенного союза к единому внутреннему рынку со свободным движением товаров, услуг, рабочей силы и капиталов, а далее — к экономическому и валютному союзу, перерастающему в политический союз. Продвижение к единой Европе сопровождалось формированием общей правовой базы (*aquis communautaire*) и системы институтов, имеющих отчасти межгосударственный, отчасти наднациональный характер, которым делегируются полномочия, составляющие часть суверенных прав государств-членов. Именно это в первую очередь в наибольшей мере отличает ЕС от других существующих интеграционных объединений.

Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) был разработан в соответствии с решениями созванной в июне 1950 году в Париже Межправительственной конференции, в которой приняли участие Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Италия, и подписан 18 апреля 1951 году сроком на 50 лет. Страны шестерки попытались также наладить военно-политическое сотрудничество. В мае 1952 года они учредили Европейское оборонительное сообщество. Одновременно была начата подготовка договора о европейском политическом сообществе, располагающем наднациональной системой институтов с полномочиями в сферах внешней политики, обороны, экономической и социальной политики, защиты прав человека. Однако в августе 1954 года национальное собрание Франции отвергло Договор об оборонительном сообществе, после чего прекратилась и подготовка второго договора. На роль основной структуры европейской безопасности выдвинулась Организация Североатлантического договора (НАТО), созданная Вашингтонским договором 1949 года.

25 марта 1957 года те же шесть первоначальных стран-основателей подписали в Риме два бессрочных договора, учредивших *Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)* и *Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом)*. Одновременно были созданы Парламентская ассамблея и Суд Европейских сообществ. Наиболее важное значение имело учреждение ЕЭС, сразу устремившегося к таможенному союзу. Предполагалось введение общей аграрной и торговой политики, координацию политики в других сферах экономики. Теоретическая модель предусматривала четыре этапа интеграции.

Этапы европейской экономической интеграции

<i>Этапы</i>	<i>Содержание</i>
Зона свободной торговли	Отмена таможенных пошлин, квот и других ограничений в торговле между государствами-членами при сохранении их автономии в таможенной и торговой политике по отношению к третьим странам
Таможенный союз	Введение общего внешнего таможенного тарифа и переход к единой торговой политике в отношении третьих стран
Единый внутренний (общий) рынок	Таможенный союз плюс осуществление мероприятий, обеспечивающих свободное движение услуг, капиталов и рабочей силы (включая свободу их профессиональной деятельности)
Экономический и валютный союз	Единый внутренний рынок плюс гармонизация и координация экономической политики государств-членов на основе совместно принятых решений и контроля за их выполнением, замена национальных валют единой валютой и единая валютная и денежная политика ЕС

8 апреля 1965 года в Брюсселе был подписан *Договор, учреждающий единый Совет и единую Комиссию Европейских сообществ* (Договор о слиянии). Совет и Комиссия ЕС вместе с Европейским парламентом и Верховным судом ЕС образовали институционную структуру сообществ. В июне 1969 года начался третий раунд переговоров о вступлении в Европейские сообщества Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии. С 1 января 1973 года «шестерка» превратилась в «девятку».

На этой волне Европейское сообщество в 1971 году приняло план перехода к Экономическому и валютному союзу (так называемый план Вернера — по имени автора проекта, премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера). Этот этап интеграции намечено было завершить к 1980 году, но план не был реализован. Главную роль в этом сыграли внешние факторы: отказ Вашингтона в 1971 году от золотого паритета доллара, что привело к расстройству большинства европейских валют, а также четырехкратное повышение цен на нефть из-за сокращения добычи государствами —экспортерами в 1973—1974 годах.

Развитие интеграции пошло по пути создания в 1974 году нового института — Европейского совета на уровне глав государств и правительств. Не следует его смешивать, как часто бывает, с Советом Европы — с организацией, созданной западноевропейскими государствами в 1949 году и занимающейся вопросами прав человека, сотрудничества в социальной и культурной областях. Сообщество приступило к проведению политики финансовой и технической помощи отдельным регионам, для чего в 1975 году создавался Европейский фонд регионального развития (ЕФРР). В 1978—1979 годах была введена Европейская валютная система, основными механизмами которой стали поддержание стабильных обменных курсов национальных валют государств-членов и общая денежная единица ЕС — ЭКЮ. В 1979 году состоялись первые прямые выборы в Европейский парламент. В 1984 году была начата программа общей сельскохозяйственной политики, принята Первая рамочная программа научно-технического развития на 1984—1987 годы.

Еще в 1960-е годы французский президент Шарль де Голль выдвинул идею создания пространства общей безопасности «от Атлантики до Урала». Шагом в этом направлении стал Хельсинский заключительный акт 1975 года. Хотя он не был юридически обязывающим документом, но сыграл значительную роль в укреплении безопасности в условиях биполярного мира и впервые создавал общеевропейскую структуру — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Позднее оно переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ, в которую вошли все страны Старого Света по обе стороны от «железного занавеса».

Когда в 1985 году председателем Европейской комиссии стал Жак Делор, а лидером СССР — Михаил Горбачёв, европейская идея зазвучала с новой силой. «Союз необходим как гарантия нашего выживания... иначе наши страны превратятся в музеи, куда будут заглядывать американские и японские туристы», — уверял Делор в 1989 году. Возможность преодолеть раскол континента и положить конец холодной войне будоражила умы и зажигала сердца. Западноевропейцы возводили новые этажи интеграции. Сообщество в середине 1980-х годов вступило в новый этап развития — *завершения формирования Единого внутреннего рынка ЕС (ЕВР)*. Подготовленная Комиссией ЕС программа практических действий, сведенная в Белой книге, содержала около 300 мероприятий, охватывавших все направления экономической политики. Правовой основой программы стал *Единый европейский акт* 1986 года. К намеченному сроку — 1 января 1993 года — единый внутренний рынок ЕС стал фактом.

В конце 1980-х годов активно обсуждались идеи единой Европы, включающую и СССР, и его союзников. Маргарет Тэтчер первой озвучила формулу евроатлантического пространства безопасности «от Ванкувера до Владивостока». Горбачев говорил об «общем европейском доме», который включал бы в себя и Советский Союз. Но в дальнейшем эти формулы, содержавшие большую долю идеализма, продолжения не получили. Восточная часть континента осталась во многом в стороне от последующих шагов в европейском строительстве.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

«Падение Берлинской стены в 1989 г. стало кульминацией европейской культуры надежды, и народы по всему континенту праздновали падение стены, которая их разделяла»¹, — писал Доминик Моизи. Резко возросла общественная поддержка строительства единой Европы. Согласно опросам «Евробарометра», уровень поддержки европейской интеграции вырос в странах ЕС с 63% в 1973-м до 80—82% в начале 1990-х годов.

Но в ЕС существовали и существуют различные взгляды на характер европейского строительства, противоборство которых и определяет динамику строительства единой Европы. Вот как их описывал экс-канцлер Германии Герхард Шрёдер: «На одном полюсе, представленном в первую очередь Германией и Францией, действуют те, кто видит будущий Евросоюз непременно как союз политический. Политический союз полагает своей целью передачу основных государственных функций объединившихся стран — в сферах экономики и финансов, внутренней политики и права и, обязательно, во внешней политике и в обеспечении безопасности — на наднациональный, общеевропейский уровень. На противоположном полюсе представлен взгляд на Европу прежде всего как на общий рынок. Участникам общего рынка нужны лишь общие правила экономического регулирования, тогда как политические функции в значительной мере должны и в дальнейшем оставаться в ведении отдельных национальных государств. Этот подход характерен для Великобритании. ... Любому немецкому правительству следует иметь в виду, что в Британии все еще распространены и весьма устойчивы имперские взгляды. К тому же, особые отношения между Британией и США мешают участию британцев в созидании общеевропейского будущего. Гораздо охотнее, чем другие страны, Великобритания готова предвосхищать намерения США и ставить их во главу своей европейской политики»².

Позицию британских евроскептиков очень ярко артикулировала Маргарет Тэтчер в своей книге «Искусство управления государством»: «Европейский миф не становится менее влиятельным оттого, что это миф. Причина здесь в том, что в умах множества людей он ассоциируется с цивилизованным образом жизни. Например, в качестве противопоставления нередко, особенно во Франции, приводится вульгарность американских ценностей. В глазах же многих евроэнтузиастов Европа представляется в какой-то мере реализацией идей законности и правосудия, уходящих корнями в Древнюю Грецию и Рим. В точки зрения утонченных умов, властвовать должны соборы в готическом стиле, картины эпохи Возрождения и классическая музыка XIX столетия. Европейская идея, похоже, может практически неограниченно видоизменяться. В этом и заключается ее прелесть. Если вы набожны, она — олицетворение христианского мира. Если вы либерал, она принимает вид философии просветителей. Если вы человек правых взглядов, она является вам оплотом против варварства отсталых континентов. Если же вы придерживаетесь левых взглядов, она воплощает в себе интернационализм, торжество прав человека и помощь третьему

миру. Однако за столь безграничной трансформируемостью этой чудесной концепции Европы на деле кроется не что иное, как пустота.

Европа в любом ином смысле помимо географического — совершенно искусственное построение. Нет ни капли смысла в перемешивании Бетховена и Дебюсси, Вольтера и Берка, Вермеера и Пикассо, соборов Парижской Богородицы и Святого Павла, отварной говядины и тушеной рыбы, а затем в преподнесении их как элементов «европейской» музыкальной, философской, художественной, архитектурной или гастрономической реальности. Если Европа чем-то и способна очаровать нас, так это своими контрастами и противоречиями, а не связностью и единством»³.

Новая стратегия развития Европейского Союза после окончания «холодной войны» была разработана с учетом двух обстоятельств. Во-первых, после успеха с созданием внутреннего рынка перспективы дальнейшего укрепления интеграции казались безграничными. Во-вторых, завершение «холодной войны» и трансформации в странах ЦВЕ открыли возможности для резкого расширения Евросоюза. Отсюда стратегия одновременного углубления и расширения. Еврооптимисты надолго одержали победу над евроскептиками.

Цели и программа развития интеграции «вглубь» были определены в Договоре о Европейском Союзе, который был подписан в голландском Маастрихте 7 февраля 1992 года, дополненном решениями Евросовета в Амстердаме в 1997 году и в Ницце в 2000-м. Целями Маастрихтского договора было создание Экономического и валютного союза, а также переход к общей внешней и оборонной политике, сотрудничество в сферах внутренней политики и правосудия. Договор ввел единое гражданство Союза.

После Маастрихта для обозначения областей деятельности ЕС было введено понятие *трех «опор»*:

— первая — политика ЕС, связанная с Таможенным союзом, единым внутренним рынком, Экономическим и валютным союзом;

— вторая — общая внешняя политика и политика безопасности;

— третья — сотрудничество в области внутренней политики и юстиции.

С 2001 года действует единая валюта — евро. Ее введение, как уверяет Моизи, было продиктовано опасением возрождения германского национализма и той подавляющей силы, которой будет обладать Германия: «Канцлер Гельмут Коль выразился по этому поводу весьма ясно. Он представлял себя как последнего «добротного немца» — иначе говоря, последнего канцлера Германии с личными воспоминаниями о Второй мировой войне. Он говорил своим партнерам в Европе, что им нужно поторопиться завершить начавшийся после «холодной войны» процесс интеграции и введение европейской валюты, поскольку после него, может быть, будет уже поздно»⁴.

Падение Берлинской стены, распад социалистического лагеря и СССР не принесли Европе мира. Напротив, впервые после 1945 года на континенте вспыхнула война — на Балканах. Трудно переоценить влияние кровопролития в Югославии на самочувствие европейцев. Для водворения мира потребовалось вмешательство Соединенных Штатов и НАТО, разбомбивших Сербию. На этом фоне многие полагали, что решение проблем стабильности в Европе лежит в дальнейшем

расширении Европейского союза, джентльменского клуба с ценностями мира, процветания и этнического примирения. Чтобы избежать балканизации всей Европы, нужно европеизировать Центральную и Восточную Европу. Самая большая в истории волна расширения ЕС последовала в 2004 году.

В 2004—2007 годах большинство из стран ЦВЕ стали полноправными членами Евросоюза, а Словения (совсем недавно и Эстония) даже успела перейти на евро. Почти все задуманное свершилось, мечта стала реальностью. Однако успехи сопровождались растущими проблемами. Как подчеркнул Моизи, «большинство западноевропейцев встретило расширение без всякого энтузиазма, видя в нем скорее нравственный и исторический долг, а также политический и экономический риск, чем повод для оптимизма и торжества. Можно сказать, что расширение в эмоциональном смысле пришло слишком поздно (иначе говоря, слишком много лет прошло после падения Берлинской стены) и слишком рано с точки зрения развития социальных институтов, поскольку расширение происходило одновременно с «углублением» союза — иначе говоря, его экономическая, социальная и политическая интеграция по-прежнему далека от завершения»⁵.

Не намного больше евроэнтузиазма со временем стало и в странах Восточной Европы. Популярность идеи национального суверенитета, писал Шрёдер, «растет и среди восточноевропейских стран — членов ЕС: после крушения Варшавского договора они обрели суверенитет и им трудно решиться на передачу своих суверенных государственных прав на европейский уровень»⁶. Впрочем, и изначально там были опасения по поводу членства в ЕС. «После ухода с поста премьер-министра у меня было немало откровенных и дружеских (в прямом, а не дипломатическом смысле этого слова) бесед с ведущими политическими фигурами этих стран, — откровенничала Маргарет Тэтчер. — Большинство из них под нажимом признают, что их беспокоят возможные последствия вступления в ЕС. Эти люди, прожив большую часть века под властью социалистической бюрократии и хорошо зная, как растаптываются национальная индивидуальность и права, отнюдь не горят желанием попасть под правление Брюсселя. Хотя многие глубоко озабочены нестабильностью, идущей с востока, и все еще стремятся получить гарантии, связанные с членством в ЕС (а также и в НАТО), у них практически нет иллюзий относительно господства Германии в Европе. Это также является причиной беспокойства, но вряд ли кто признается в этом публично»⁷. Мегарасширение привнесло в ЕС невиданную ранее пестроту и неоднородность. И сегодня подспудные проблемы Восточной Европы — более низкий уровень жизни, национализм, коррупция — остаются во многом нерешенными.

За мегарасширением должно было последовать мегауглубление — принятие общей конституции. И здесь возникли большие проблемы. «В 2005-м французы и голландцы сказали «нет» европейской конституции, за ними точно так же в 2008 году отвергли конституцию ирландцы, и это стало зримым признаком появления культуры страха на европейском континенте, — сокрушался Моизи. — Кажется, будто европейцам самим захотелось выстроить стены, которые отгородили бы их от внешнего мира — от миллионов конкурентов, от тысяч иммигрантов, от сотен террористов... Ирландское «нет» было особенно тревожным. Ирландия выгадала от членства в Евросоюзе больше всех. То, что она сказала «нет» Лиссабонскому договору, и то, что негативные настроения были особенно сильны среди молодых голосовавших, продемонстрировало не столько неблагодарность, сколько глубокое неприятие направления, по которому движется Евросоюз... Ирландский референдум 12 июня 2008 г. забил последний гвоздь в гроб наших надежд. Европа, о которой я мечтал с тех

пор, как стал взрослым, умерла, пав жертвой политической бездарности и отчужденности граждан» 8.

Разбившись о волнорезы референдумов, проект европейской интеграции потребовал переосмысления перед угрозой попятного движения. Из текстов основополагающих документов ЕС было изъято упоминание о флаге, гимне и девизе Евросоюза. Исчезли слова «конституция», «европейский закон», «семья народов». Осталось утверждение о «создании более тесного союза народов Европы» на основе общих ценностей: достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и прав человека. Результатом ревизии планов стал Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 года, который дал передышку проекту европейской интеграции. Видение единой Европы в форме федерации, которое разделяли евроэнтузиасты, осталось нереализованным. И шансы на ее осуществление начали только таять по мере углубления экономических противоречий, о которых мы еще поговорим. Насколько интегрирована Европа, какая часть национального суверенитета находится сегодня в Брюсселе, а какая — в национальных столицах?

ЕВРОПА ИНСТИТУТОВ

Функционирование и развитие ЕС обеспечивает система институтов, норм, методов и процедур, создававшихся и обкатывавшихся на протяжении десятилетий. Институциональная структура богата и разнообразна, а порой и запутана: Европейский совет, Европейский парламент, Европейская Комиссия, Европейский Суд, Счетная палата, Совет европейского союза, Европейский центральный банк, Европейский экономический и социальный совет (партнер Общественной палаты РФ). И это — далеко не все.

ЕС продвинулся далеко вперед в деле унификации законодательства стран-участниц. В большинстве стран Союза более половины новых законов разрабатывается в Брюсселе и затем включается в национальное законодательство. Однако страны продолжают блюсти свои прерогативы по широкому кругу вопросов. «Анализ современной европейской политики свидетельствует: страны — члены Европейского союза сохраняют суверенные права во всех без исключения важнейших областях политической и экономической жизни, — подчеркивает знающий европеист Тимофей Бордачев. — Охрана границ с соседями ЕС, национальная оборона, внешние энергетические связи, юстиция и внутренние дела, миграционная политика, образование — все эти вопросы остаются в исключительной компетенции национальных властей. Такие ключевые сферы экономики, как социальная политика и регулирование трудовых отношений (то есть весь социальный блок), также находятся в стопроцентном ведении национальных властей»...

Как отмечает директор Института европейских исследований в Брюсселе Поль Магнетт, из четырех главных функций современного государства (защита границ, источник национальной идентичности, определение политического устройства общества, регулирование рынка) только последняя затрагивается условно наднациональным регулированием из Брюсселя. Но и в этом случае определение правил экономической деятельности — не воплощение некой общеевропейской рациональности, а результат длительного и мучительного согласования национальных интересов, учета политических конъюнктур и позиций лобби»⁹. Общий бюджет ЕС составляет около 1% союзного ВВП. У Брюсселя нет права собирать налоги. Страны-участницы в значительной степени делегировали часть законодательных функций, но

держат подальше от него свою казну. Европейский Союз превратился в гиганта в области права, но остался карликом в экономических вопросах.

Все большее число критиков Европейского Союза указывают на такую его проблему, как дефицит демократии в условиях, когда все большие полномочия оказываются в руках не избираемой и стремительно расширяющейся брюссельской бюрократии.

Широкая общественная дискуссия о задачах и средствах интеграции велась в Западной Европе в 1950—1960-е годы, когда и были выработаны основные идеологические конструкции, на которых держится Евросоюз. Попытки возобновить общественные дискуссии о будущем Евросоюза в последние годы регулярно проваливались «Возможно, самый серьезный недостаток этого оперяющегося сверхгосударства заключается в том, что оно не является демократическим, не будет демократическим, да и в принципе не может стать таковым, — возмущалась еще Маргарет Тэтчер. — Дело здесь вовсе не в постоянно склоняемом «демократическом дефиците», который обычно связывается с несоответствием полномочий Европейской комиссии и Европарламента. На деле эта дискуссия исходит из ложной предпосылки. И Комиссия, и Парламент проводят одну и ту же федералистскую программу, а она не является демократической. *Подлинная* причина, по которой дееспособная панъевропейская демократия не может существовать, заключается в отсутствии панъевропейского общественного мнения. Сколько бы попыток наладить связи между политическими партиями различных европейских стран ни предпринималось, эти партии будут ориентироваться на национальные программы и вопросы, поскольку именно от них зависит их успех и будущее. Влияние же европейских вопросов на результаты выборов, скорее всего, будет негативным, ибо то, что идет на пользу Европейскому союзу, например открытые границы или более свободная иммиграция, вызывает всеобщее раздражение»¹⁰.

Демократический дефицит — отсутствие у граждан каналов эффективного влияния на официальный Брюссель — становится все более сильным раздражителем для граждан. Наученные горьким опытом народных волеизъявлений, политические элиты теперь старательно избегают референдумов (что мы недавно наблюдали в Греции), а это значит, что невысказанный протест будет прорываться наружу в других формах. Единственным напрямую избираемым органом остается Европарламент, однако, несмотря на широкие полномочия, политику сообщества определяет не он. Реальная власть сосредоточена в коридорах Европейской комиссии, а все судьбоносные решения исходят от политических лидеров крупнейших стран. Часть населения считает Евросоюз бесполезной и дорогостоящей надстройкой над их странами. Согласно опросу социологической службы «Евробарометр», проведенному в сентябре 2011 года, только 30% респондентов считали, что их голос в ЕС что-то значит, зато 62% были убеждены в обратном. Комиссия и Совет, иницирующие и принимающие основные решения Евросоюза, неподотчетны гражданам и, в случае недовольства последних, они не рискуют быть смещенными путем перевыборов или вотума недоверия¹¹. Евросоюз после падения Берлинской стены монополизировал право говорить от имени всей Европы и формулировать европейские ценности. Неудивительно, что и миллионы людей поставили знак равенства между Европой и ЕС. А значит именно на Брюссель они стали возлагать ответственность за накапливающиеся проблемы.

Совсем недавно практически в тех же словах, что и Тэтчер, выражали свое разочарование дефицитом демократии авторитетные действующие политики и мыслители. В октябре 2011 года незадолго до своего ухода с поста президента

Европейского центрального банка Жан-Клод Трише сказал: «Хотя причины европейского единства часто представляются происходящими из прошлых конфликтов и разногласий, на мой взгляд, решающее значение имеет мотивация, основанная на взгляде в будущее... Создание более интегрированной Европы зависит от возникновения подлинно европейской общественной дискуссии... Сегодня европейцы тесно взаимосвязаны экономически и социально. Но пока наши национальные общественные дискурсы разделены, граждане не смогут осознать эти связи в полной мере». В том же году, выступая в Берлине, знаменитый философ Юрген Хабермас, которому исполнилось 82 года, заявил: «Процесс европейской интеграции, который всегда осуществлялся через головы населения, зашел в тупик. И он никуда не пойдет дальше без переключения с обычного административного режима на большее общественное участие».

Что же касается европейских институтов, но входящих в структуру Европейского союза, то их судьба по окончании «холодной войны» выглядела следующим образом.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) предполагала наличие трех корзин: безопасность, экономика, гуманитарные проблемы. Безопасность в значительной степени ушла в НАТО, экономика — в ЕС, гуманитарная почти исчезла (культурные проблемы, меньшинства, языки), осталось наблюдение за выборами восточнее ЕС и НАТО. Россия в середине 1990-х предлагала сделать ОБСЕ европейской системой безопасности. Предложение было тогда отвергнуто как русский заговор с целью подрыва НАТО, и теперь ОБСЕ превращается в организацию виртуальную. Она ничего не сделала, чтобы предотвратить войну в Южной Осетии в 2008 году, хотя ее наблюдатели там были и пытались обратить внимание руководства на эскалацию напряженности. В 2010 году ОБСЕ превратилась в инструмент международного пиара страны-председательницы — Казахстана. Но ОБСЕ, в которую сейчас входят 55 стран, — уже не только европейских — не безнадежна, если постараться реанимировать ее в первоначальном предназначении и наполнении всех трех корзин реальным содержанием.

Совет Европы на выходе из «холодной войны» состоял из 23 западноевропейских государств, сейчас их 47. Вновь входившие (включая Россию, которая стала членом СЕ в 1996 году) присоединялись к Европейской конвенции по правам человека и принимали ее контрольные механизмы, включая Европейский Суд по правам человека. Условие присоединения к Совету Европы — демократическое правовое устройство и проведение свободных выборов. В рамках Совета Европы действуют свыше 170 общеевропейских конвенций, обязательных для ратифицировавших их государств.

В качестве европейской системы безопасности на Западе чаще всего рассматривается *НАТО*, численность которой достигла 28 государств-членов. Принцип «клуба» с правом входа не для всех государств континента создает основу для институционализации его разделения. НАТОцентристская модель трансатлантической безопасности исключает из процесса принятия решений в этой важнейшей области ряд крупных государств (например, Россию и Украину) и тем самым напоминает Версальскую систему, принесшую Европе большие проблемы. Партнерство этих государств с НАТО принципиально ничего не меняет, поскольку оно в любом случае не предполагает участия в выработке решений в рамках Североатлантического альянса.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ?

Европейская самобытность проявляется в том, что называют европейской экономической и социальной моделью. Она имеет различные страновые формы, однако заметно отличается, скажем, от американской модели. Ее характерные черты: более высокий уровень государственных расходов, более высокий суммарный уровень налогообложения, более высокие социальные отчисления, сильное госрегулирование, особенно рынков труда. Кроме того, только в рамках ЕС существует денежно-кредитный союз, а большая часть государств-членов входит еще и в зону евро. Однако сегодня все больше аналитиков рассуждают о пределах и эффективности этой модели из-за переживаемых Европой серьезных экономических трудностей.

Что произошло? На протяжении последних 20 лет средние темпы прироста ВВП в странах Европейского союза составили 1,9%. В это же время суммарное сальдо текущего баланса ЕС равнялось 0,2%, и доля Евросоюза в мировом экспорте постепенно уменьшалась. ВВП мог расти только за счет внутреннего спроса, причем — по факту — потребительского, который увеличивался быстрее, чем сам ВВП. Успехам торговли помогала цифровая революция: компьютеры, плееры, мобильные телефоны и другая часто меняемая техника. Росту продаж способствовало долгосрочное снижение инфляции и процентных ставок. Коммерческие банки расширяли объемы кредитования, глядя сквозь пальцы на платежеспособность заемщиков.

Присоединяясь к денежно-кредитному союзу, государства добровольно уступали свои полномочия по управлению денежно-кредитной политикой Европейскому центральному банку. Они также становились участниками Договора об обеспечении стабильности и роста, который накладывал ограничения на размер их бюджетных дефицитов (3% от ВВП). Теоретически участие в союзе требовало от этих государств также проведения серьезных структурных реформ. Но случилось иное. Германия и некоторые другие страны на протяжении прошедшего десятилетия уменьшали свои финансовые дисбалансы и повышали конкурентоспособность экспорта за счет проведения корпоративной реструктуризации. Обратная ситуация наблюдалась в Италии, Испании, Греции и Португалии, где финансовые дисбалансы оставались значительными, а темпы роста заработной платы опережали рост производительности труда.

Кризис 2007—2009 годов пришел в Европу из США, но страны ЕС оказались в числе наиболее пострадавших. В 2009 году ВВП снизился в среднем на 4,1% при среднемировом падении порядка 3%. Динамика ВВП колебалась от +1,7% (Польша) до —18,0% (Латвия), по дефициту госбюджета — от +0,5% (Финляндия) до —14% (Греция), по росту внутреннего госдолга — от +0,2% (Дания) до +16,6% (Великобритания). По характеру принимавшихся антикризисных мер Старый Свет разделился на те же две группы. Одни резко нарастили государственные расходы за счет внутренних и внешних заимствований, не останавливаясь перед резким увеличением бюджетного дефицита. При этом, почти все страны ЕС сильно превысили 3-процентную планку дефицита. В Греции государственный долг на конец 2009 года превысил 365 млрд. долл. и дефицит бюджета — 12,7% от ВВП. Государства с наибольшими дефицитами бюджета рванулись за помощью к более экономным партнерам, но те не видели причин поощрять чужую расточительность. Добрая половина Европы стала испытывать проблемы с платежеспособностью, рост производства остановился, экспорт упал на 16%, безработица превысила 10%. Общий

долг, накопленный странами ЕС, составил 84% от их совокупного ВВП. А в Греции достиг 125%, в Италии — 118%.

Вторая группа стран, напротив, пошла на жесткие сокращения государственных расходов и увеличение налогов, но тоже с весьма неутешительными результатами. Наиболее решительно затянули пояса прибалты. Так, Литва в 2009 году сократила расходную часть бюджета на 30%, зарплаты в госсекторе — на 20—30%, пенсии — на 11%. Были повышены все акцизы — от лекарств до алкоголя. В итоге Вильнюсу удалось удержать дефицит на уровне 9% от ВВП, но следствиями стали 14-процентная безработица, 15-процентное падение производства, массовый отток рабочей силы и удвоение числа самоубийств — по этому показателю страна вышла на первое место в мире. По этому же пути — экономии — ведущие страны Евросоюза, прежде всего Германия, предложили идти Греции и другим государствам с серьезными финансовыми проблемами из групп PIIGS (Португалия, Ирландия, Италия, Греция, Испания). Не встретили восторга у населения и повсеместное увеличение пенсионного возраста: в Испании — с 65 до 67-ми, в Греции и Франции — с 60 до 63—65.

В 2010 году суммарный ВВП стран ЕС вырос на 1,7%, в 2011-м — на 1,6% в зоне евро и 1,8% в ЕС-27. Сокращение экспорта было компенсировано его ростом в 2010 году. Установленный норматив — не выше 3% ВВП для дефицита госбюджета — к 2010 году был нарушен 22 государствами; 12 из них были членами Экономического и валютного союза. В целом по еврозоне и ЕС-27 бюджетный дефицит превысил 6%. Однако за общими цифрами скрывался большой разброс экономических индикаторов. В более благополучную часть ЕС вошли 10 из 11 высокоразвитых стран Западной Европы, а также Польша, Словакия и Мальта; в наименее благополучную — PIIGS и 8 стран ЦВЕ.

На следующем этапе, по уверению нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, в дело вступили финансовые спекулянты: «Ситуация, сложившаяся в Греции в 2010 году, когда эта страна подверглась нападению со стороны финансовых рынков, была похожа на то, что мы уже наблюдали во многих развивающихся странах. В этом случае удивительно другое — то, что такой атаке подверглась промышленно развитая страна. Финансовый сектор, который спасали правительства государств со всего мира (в том числе и власти Греции), набросился на тех, кто пришел ему на помощь... Предположив, что когда Греция придет на рынок, чтобы пролонгировать свою задолженность или получить там финансирование для покрытия своего дефицита, она может столкнуться с трудностями, если не согласится на более высокие процентные ставки, банки решили сыграть на понижение и стали продавать греческие облигации в расчете на то, что в будущем они упадут в цене. Во время этой атаки на Грецию они использовали новые виды финансового оружия массового уничтожения — кредитные дефолтные свопы»¹².

Продолжение следует

Примечания

[1] Доминик Моизи. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 128-129

2 Герхард Шрёдер. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007. С. 314-315

- 3 Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 359
- 4 Доминик Моизи. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 128-129
- 5 Доминик Моизи. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 130-131
- 6 Герхард Шрёдер. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007. С. 314-315
- 7 Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 371
- 8 Доминик Моизи. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 134, 128-129.
- 9 Тимофей Бордачев. Суверенитет и интеграция // Россия в глобальной политике. Том 5. № 1 — январь-февраль 2007. С. 66-67
- 10 Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 373
- 11 Ольга Буторина. Европа без Евросоюза // Россия в глобальной политике. Ноябрь-декабрь 2011. С.
- 12 Джозеф Стиглиц. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011. С. 376